

Виктор Юшковский

СТРАНА И МИР

30 мая 2023

Колумб поисковых работ. Обостренная интуиция помогла ленинградскому геологу совершить много ценных открытий

Когда из-за санкций Россия перестала закупать за рубежом литий, стратегически важное сырье, вспомнили, что его немало в нашей стране. Недропользователи начали готовить к освоению Колмозерское месторождение литиевых руд, одно из крупных в мире (научное сопровождение этого проекта обеспечивают петербуржцы). Но имя человека, благодаря которому оно появилось на геологической карте страны, увы, мало кто помнит. Хотя ленинградский геолог Александр Соседко, сподвижник академика Ферсмана, открыл не одно, а десятки месторождений, нарастив тем самым запасы бериллия, тантала, олова, стронция, урана и других видов сырья. А будучи ярким ученым, оставил после себя ряд монографий и множество научных статей. При этом не имел ни государственных наград, ни громких званий, и фасад дома на 5-й Советской улице, откуда он уезжал в свои экспедиции, исколесив чуть ли не полстраны, лишен мемориальной доски.

Хибины, район Колмозеро-Воронья, полевой сезон 1956 года; в центре снимка — геолог А. Ф. Соседко./ ФОТО из семейного архива Т. А. Лукьяновой

Рудник смерти

Геологи называли некогда в его честь редкий минерал, который он первым обнаружил и описал, — соседкоит. А их современники-палеонтологи могли поведать историю об ископаемом земноводном *Eopelobates sosedkoii*, останки которого он нашел в Средней Азии. Ну так что из того? Спроси в наши дни у специалистов, кто такой Александр Соседко, многие недоуменно пожмут плечами.

Несправедливо? Не то слово, ведь его заслуги громадны. Вместе с академиками Вернадским и Ферсманом, как одаренный их ученик, он работал в Совете по изучению естественных производительных сил страны, созданном при Академии наук СССР. И внес неоценимый вклад в формирование ее минерально-сырьевой базы, участвуя с 1920-х годов в экспедициях, выявивших около 300 рудопроявлений и месторождений. Причем многие из них действительно открыл сам.

Он же первым обосновал необходимость поисково-разведочных работ на радиоактивные руды и другие полезные ископаемые в Средней Азии, на Урале и Кольском полуострове. Во многом благодаря ему получили развитие такие классические направления геологоразведки, как геохимия. А на территориях, перспективность которых он доказал своими полевыми изысканиями, выросли города и поселки, появились рудники и горно-обогатительные фабрики...

По отзывам современников, это был скромный, деликатный человек, предпочитавший оставаться в тени. Говорить о себе он избегал, хотя на его долю выпало много захватывающих событий. Тут и столкновения с басмачами в Ферганской долине, и геологические странствия в знойных песках Каракумов, и путешествия на собачьих упряжках по бескрайней полярной тундре.

Да только ли это? В 1930-х годах там же, в Средней Азии, он наткнулся на кладбище гигантских позвоночных животных и реликтовых окаменелых деревьев (подобное тому, что были найдены в штате Вайоминг, США). А позже обнаружил упоминаемую в древних источниках карстовую пещеру Кан-и-Гут (в переводе с киргизского – «рудник смерти»), где в Средние века невольники добывали свинцово-серебряные руды.

Словом, общая канва его жизни напоминает сюжет приключенческого фильма. Кое-что автору этих строк поведал о нем Сергей Петров, доцент Института наук о Земле СПбГУ, участвующий в реализации «колмозерского» проекта. И подсказал, что в Петербурге живет его дочь – кандидат геолого-минералогических наук Татьяна Лукьянова, проработавшая почти 30 лет во Всероссийском научно-исследовательском геологическом институте.

Выйдя на пенсию, она пыталась сохранить память о нем в геологической среде и немало в этом преуспела. Естественно, захотелось встретиться с ней, чтобы больше узнать об одном из крупных советских геологов.

Восток – дело тонкое

Татьяна Александровна живо откликнулась и, как видно, основательно подготовилась к встрече. Выложила на стол в своей скромной квартире на Пулковском шоссе целую кипу изданий, имеющих отношение к научному наследию и судьбе своего отца. В самом деле непростой...

«Знаете, кем был мой дед Федор Соседко? – начала она свой рассказ. – Кадровым военным. Часть, где он служил, входила в состав Тульского 72-го пехотного полка и много лет простояла на территории Польши. Затем ее перевели в Забайкалье, где в 1901 году и родился мой отец».

Увлечшись историей своего полка, участвовавшего во многих сражениях, штабс-капитан Федор Соседко воссоздал его летопись с конца XVIII века, когда было создано это формирование. После первой исторической работы вышла в свет другая – книга «Нерчинская старина», написанная в Забайкалье.

Оттуда его часть перебросили в Красноярск, затем в Фергану, где от испанского гриппа, косившего людей по всему миру, умерла его жена. И старший их сын Александр стал работать с 17 лет, чтобы прокормить престарелого отца и младшего брата.

Ради заработка ему приходилось оставлять занятия в вузе, точнее, в двух. Проучившись год в ташкентском Среднеазиатском университете, он перебрался в Москву, где находилась Горная академия (позже она распалась на несколько институтов). Там преподавали в ту пору светила геологической науки – Обручев, Вернадский, Архангельский, Ферсман и другие.

Учеба, прерываемая экспедициями, растянулась у Соседко на девять лет, но это помогло ему «укорениться» в профессии со студенчества. География тесно переплеталась в этих поездках по Средней Азии с геологией. То есть буквально: Чаткальский хребет – магнитный железняк, Алайский – ртуть и сурьма. Каракумы – стронций, Заунгузское плато – целестин, Туя-Муюнский массив – радиевые породы.

Причем его, студента, отправляли туда начальником отряда – по настоянию Александра Ферсмана, одного из ведущих российских минералогов, занимавшего видные должности. Горная академия давала превосходное образование. К тому же Соседко обладал обостренной интуицией, нужной геологу. А еще знал узбекский и туркменский языки, культуру и обычаи этих народов, что помогало ему находить проводников и закупать для отряда провизию.

«Порой в этих экспедициях, – добавляет его дочь, – участвовал сам Ферсман. Как-то он спросил у отца: почему так долго нанимал верблюдов? Это же восток, ответил отец. Сначала нужно посидеть с местными жителями, расспросить об их жизни, выпить с ними не одну пиалу чая. И уж тогда можно рассчитывать на их помощь...»

Статья по теме:

Начинка
для «локомотива».
Новости геологии: 30
мая 2023

Некоторые такие поездки по малоизученным безлюдным местам были смертельно опасны. Одно из них — пустыня Каракумы, что означает «черные пески». Отправляясь туда с группой геологов на поиски «серных бугров», Соседко стал выспрашивать у туркменов дорогу к ним. Дойти, наверное, сможете, сказали ему, только вряд ли вернетесь. Но отряд вернулся, и образцы находок он, его руководитель, привез в Ашхабад, завернув в свою одежду, чтобы не повредить кристаллы серы.

Крестница Ферсмана

В пустыне Кызылкум, не менее страшной, он же первым добрался позже до центральной ее части на грузовике Ford AA. Возглавляемая им экспедиция должна была составить геологическую карту этого района. А заодно выяснить, можно ли преодолеть его на колесном транспорте, чтобы построить в пустыне цех по переработке руды, богатые проявления которой она там открыла...

Между тем, окончив вуз, Александр Соседко получил диплом горного инженера. А через несколько месяцев, в 1930 году, по приглашению Ферсмана (в общей сложности он проработал с ним около четверти века) переехал в Ленинград. Там находилась тогда Академия наук СССР, в разных подразделениях которой ему довелось потрудиться.

«В том же году он женился, и знаете, где они поселились с матерью? — спрашивает собеседница. — На Петроградке, недалеко от Тучкова моста. Просторную квартиру, где жил тогда минералог Дмитрий Щербаков, будущий академик, начали уплотнять. И отцу дали там комнатку, где я родилась и с детских лет видела навещавшего нас Ферсмана, который называл меня своей крестницей».

С той поры его ученик отправлялся в экспедиции уже с берегов Невы, а не из Москвы. Его путь пролегал то на знойный юг (Гиссарский хребет, Зеравшанская долина, ледники Рама), то на студеной север, где саамы сопровождали его в долгих поездках по Кольскому полуострову. В Хибинах он искал апатиты и железо, никель-кобальтовые руды, а Таджикско-Памирские его экспедиции были связаны с поиском тантала, ниобия и других редкоземельных металлов.

Страна и регионы в итоге получали сырье, необходимое для создания промышленности. А Соседко, один из первых разведчиков недр в их краях, — лишь почетные грамоты. Но никогда, впрочем, не сетовал — такое это было поколение, говорит Татьяна Александровна.

«Из этих поездок, длившихся иногда полгода, отец возвращался худой, изможденный, — вспоминает она. — Но весь просто светился и тут же начинал прикидывать маршруты новых своих странствий».

Тем временем тучи над его головой сгущались. Когда Академию наук СССР перевели в Москву, вспомнили, что он является сыном царского офицера, а его жена — дочь священника, тоже «классово чуждый элемент». Лишившись работы, Соседко остался в Ленинграде, что в годы репрессий, как видно, спасло ему жизнь: перестал быть на виду.

Перебиваясь случайными заработками в вузах и академических структурах, он вновь сел за письменный стол, чтобы подготовить научные работы по итогам прошлых полевых маршрутов. Но иногда все-таки ему удавалось выбраться в новую экспедицию (благодаря Ферсману, тоже чудом уцелевшему в ту пору).

С конца 1930-х годов он начал постоянно бывать на Урале, где в окрестностях города Миасса работала ленинградская геологоразведка («Ленгеонерудтрест»). Там его и застала война.

Секретная экспедиция

Эвакуированные в тыл военные заводы остро нуждались в стратегическом сырье (тальк, графит, бокситы, пирофиллит). И его, опального геолога, включили в состав Экспедиции особого назначения (ЭОН), созданной для поиска нужных видов сырья при Наркомате СССР и действовавшей под грифом «совершенно секретно». А когда ученые взялись за советский «атомный проект», тематику экспедиции расширили, и Соседко занялся поисками радиоактивных руд.

Летом 1941 года, перед самой блокадой, семья Александра Федоровича выехала на поезде к нему на Урал. Жена, Капитолина Васильевна (фармацевт по специальности), стала работать в городской сан-эпидстанции Миасса и выполняла обязанности секретаря секции научных работников ЭОН. А дочь пошла там в первый класс.

«Как-то отец вернулся из очередной командировки перед моим днем рождения, — продолжает она. — Узнав, что у нас с подружкой одни коньки на двоих, он пошел на рынок и выменял свои хлебные карточки на ржавые «снегурки». А потом чистил их всю ночь, и утром у моей кровати лежали серебряные коньки, моя заветная мечта. Это был самый дорогой подарок за всю мою жизнь...»

После войны, когда семья вернулась в Ленинград (жили они тогда в коммуналке на 5-й Советской улице, дом 9), Соседко вновь оказался не у дел. Он смог устроиться лишь в отдел комплектования геологической литературы библиотеки Академии наук СССР. Хотя к тому времени защитил кандидатскую диссертацию по материалам былых экспедиций и считался крупнейшим в стране знатоком металлогении и минералогии всей Средней Азии.

Только в 1950 году он обрел, что называется, почву под ногами. Перешел на работу в Кольский филиал Академии наук (точнее, в созданный при нем Геологический институт), который возглавлял хорошо знавший его Александр Сидоренко, будущий академик и министр геологии СССР. И с той поры каждый полевой сезон проводил в отрогах Хибин, где тоже раньше бывал, открыв там новые для этих краев минералы — фосфаты лития, берилл, цезий.

Эти работы, связанные с геохимическими методами их поиска, носили также научный характер. А многие ценные находки, которые Соседко привозил тогда с Кольского полуострова, можно увидеть ныне в московском Минералогическом музее имени А. Е. Ферсмана, который находится на Ленинском проспекте.

Пегматиты Хибин

Очень перспективной у геологов Заполярья считалась территория в среднем течении реки Вороньей, где позже было обнаружено крупное литиево-цезиевое месторождение Вороньи Тундры. В один из полевых сезонов Соседко, руководивший тогда лабораторией по изучению минералогии и геохимии редкоземельных гранитных пегматитов Геологического института, вел там эти поиски вместе с дочерью.

Будучи студенткой геологического факультета Ленинградского университета, она проходила в этом районе первую летнюю практику. И решила распределиться к отцу после окончания вуза, чтобы помогать ему и в дальнейшем. Но вышло иначе: он ушел из жизни в возрасте 56 лет — буквально за несколько дней до ее переезда и трудоустройства, в конце лета 1957 года.

На письменном столе в его кабинете остались готовая докторская диссертация, которую он собирался защитить в том же году (подготовив ее по настоянию ученых-друзей), и рукопись книги. Эту последнюю его монографию о гранитных пегматитах Хибин, ставшую библиографической редкостью, Татьяна Александровна подготовила к изданию (с восторженным предисловием того же Сидоренко) и выпустила в свет.

А спустя годы написала о нем книгу, озаглавив ее строкой из стихотворения Федора Тютчева — «Хоть на миг причастен будь». И к 120-летию со дня рождения отца выпустила на петербургской видеостудии документальный фильм с тем же названием.

Словом, имя геолога стараниями дочери и учеников не было предано забвению, а продолжает звучать на проходящих в Петербурге научно-практических конференциях. Особенно если в них принимают участие специалисты из Мурманской области, где вводятся в разработку открытые им редкоземельные месторождения, и среднеазиатских стран, где он поднимал геологическую «целину». А это, подытоживает кандидат геолого-минералогических наук Сергей Петров, само по себе очень важно.

#ГЕОЛОГИЯ #ГЕОЛОГИ #ИСТОРИЯ

Материал опубликован в газете «Санкт-Петербургские ведомости» № 96 (7425) от 30.05.2023 под заголовком «Колумб поисковых работ».